

Н.Ф.Наумова

ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ *

Наумова Нина Федоровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 94-06-19581-А).

Термин "переходное общество" часто вызывает недоумение и агрессивный вопрос — от чего и к чему переход? Это интеллектуальное раздражение свидетельствует о непонимании природы переходного общества, которая не сводится к его "промежуточной" функции. Общество в переходный период — это особая, неустойчивая система, которая не соединяет его старое и новое состояние, а интенсивно и почти неуправляемо формирует последнее.

Именно здесь, в ситуациях сложных, противоречивых, абсурдных, когда мы сплошь и рядом реагируем на них присказкой "ну, просто сумасшедший дом", происходят наиболее глубокие (не путать с радикальными) изменения, то есть изменения во внутреннем мире человека (не путать с менталитетом, представляющим лишь социально-зависимую часть этого мира). Здесь из динамического хаоса, практически не поддающегося, как утверждают системщики, управлению, порождаются и формируются те новые структуры, которые представляются современникам временными и легко исправимыми, а оказываются стратегически ориентированными и "непробиваемыми".

Сознание кажется управляемым потому, что аналитики обычно имеют дело с динамикой общественного мнения, считая его исчерпывающим показателем сдвигов в жизненных ориентациях, представлениях и целях людей. При этом не учитывается, что современное общество с его растущей зависимостью от средств массовой информации обречено все чаще получать вместо общественного мнения — массовое эхо журналистских голосов. Безусловно, этот управляемый слой сознания очень функционален, необходим, особенно в условиях реформ, проводимых сверху. Однако преимущественная ориентация на этот элемент сознания при постановке стратегических задач может привести к серьезным ошибкам. Поэтому требуется иной подход, который позволял бы понять более глубокие, спонтанные сдвиги, характерные для общественного и индивидуального сознания в переходном обществе и находящие свое выражение прежде всего в трансформации системы ценностей, в формировании человеком новых жизненных стратегий.

Некоторые методологические проблемы

Сложность этой исследовательской задачи связана не только с объективными особенностями самого предмета - возникают серьезные трудности теоретического и методологического характера, вызванные тем, что преобладающие в современной социологии структурно-функциональные подходы, эффективные при анализе стабильных социальных систем, могут оказаться неадекватными, даже беспомощными по отношению к системам нестабильным.

Справедливо определяя функцию нормативно-ценностной системы как воспроизводство образцов поведения, этот подход тем самым исключает из своей теоретической схемы механизмы нормативно-ценностного развития общества. Отсюда

и интерпретация не только патологических, но и просто неожиданных или нежелательных реакций на нестабильность, напряженность в социальной системе как "отклонений". К последним причисляются (как однопорядковые) на личностном уровне — уклонение от выполнения норм, принудительная конформность, ритуализм, автоматизм, бунт (сопротивление), уход (самоустранение); на социальном уровне — преступность, алкоголизм, бродяжничество, самоубийство, наркомания, взрывы насилия, социальные движения [1].

Контроль за нежелательными реакциями на нестабильность ориентирован только на то, чтобы "свести до минимума напряженность" (например, отклоняющееся поведение как бы не замечается, пока законы не нарушаются открыто, или оправдывается как "исключение"), а если это не удается, вступает в силу жесткий социальный контроль (с помощью полиции, суда, психиатрических больниц, прессы и т.д.).

Однако возникновение нестабильности, реакций на нее и усиление социального контроля сопровождаются изменениями, которые нарушают равновесие системы. Они приводят ее к новому типу равновесия, но только в том случае, если движение в этом направлении остается управляемым, контролируемым. Если же оно становится неуправляемым и "неоднократные попытки социального контроля терпят крах, наступает окончательный распад системы" [1, с.13]. Таким образом, в сложившейся социологической парадигме социальная система может быть исследована и объяснена только как стабильная, устойчивая, реагирующая на любое нарушение равновесия или его восстановлением, или своим исчезновением. Вариант развития системы, ее качественного преобразования не рассматривается. Следовательно, не исследуются и переходные процессы.

Именно с этой неспособностью моделировать развитие социальной системы, ее переход в принципиально новое устойчивое состояние связана нормативность, характерная для современной макросоциологии, структурно-функционального анализа, веберовской традиции в целом. Когда речь заходит об исторических сдвигах, отсутствие теории, описывающей внутренние механизмы развития общества как сложной системы, вынуждает интерпретировать развитие как движение к какому-то образцу (модели), например, от "традиционного" общества к "современному".

Ограниченность нормативного истолкования социальных изменений подвергается резкой, во многом обоснованной критике с позиций постмодернизма, отвергающего претензии современной социальной науки на "лицензирование" различных социальных состояний и форм с точки зрения "разумного миропорядка". Однако эта критика также ограничена, поскольку ведется с позиций радикального релятивизма, который хорош для социальной критики, но мало пригоден для социологического исследования. Во всяком случае, постмодернистская парадигма не предлагает пока какой-либо методологии для понимания того, как же развиваются социальные системы.

Это тем более странно, что характеристики современного общества, на анализе которых сконцентрирована эта парадигма, — типичные характеристики переходного общества. Именно здесь, как и в описываемой Бауманом ситуации, нормативные стандарты и иерархии ценностей навсегда теряют свои трансцендентальные основания и релятивизируются, возникает настоятельная потребность в "переводчиках" и "переводе" в процессе коммуникации между непоправимо различными традициями и сознанием различных сообществ, необходимость примириться со случайностью, развенчивание всех мыслимых источников авторитета, усиление потребности в солидарности, ослабление, неэффективность социального контроля [2]. Единственная необходимая поправка — отказаться от недоказуемого утверждения "навсегда".

Исторический гипердиагноз, поставленный постмодернизмом, вызван не только тягой к сильным утверждениям и устрашающим прогнозам, характерной для заявок на новую парадигму. Постмодернистский образ настоящего как переживаемого человеком достоверен, его эвристическое значение, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Но при

условии, что мы сумеем понять, какая историческая, социальная реальность (возможность, тенденция, альтернатива, неотвратимость) скрывается за описываемой психологической реальностью.

Можно предположить, что здесь выражено замеченное уже не одним исследователем предощущение принципиального сдвига, поворота в развитии земной цивилизации, характер и направление которого непонятны, неясны, зато значимость и сила пугающе очевидны. Однако ключевые элементы в современном восприятии истории человеком — неопределенность, страх, выбор — есть реакция не на характеристики становящегося общества или цивилизации, как утверждает постмодернизм, а на сам переход. Само это переживание ничего не говорит о будущем, его альтернативах и тупиках. Чтобы узнать о них хоть что-то, необходимо "вынырнуть" из этого переживания, отстраниться от него. Важно отказать ему в тотальности, обозначить его границы и неоднородность. Социология частично решает эту задачу, дифференцируя "историческое воображение" по разным социально-демографическим группам. Но сегодня на первый план выходит, как нам кажется, более сложная задача.

Если человеческая цивилизация переходит в новое состояние, то очевидно, что этот переход будет происходить в разных культурах по-своему. И чем радикальнее будет общий сдвиг, тем больше (или меньше?) возникнет альтернатив развития, и различия их будут значительнее. Хотя, как подчеркивал Тойнби, неблагоприятный цивилизационный сдвиг, вызванный, например, долговременным катастрофическим спадом в экономике, может сопровождаться одинаковыми, в данном случае уравнилельно-аскетическими, культурными реакциями [3]. Во всяком случае, социологу трудно понять происходящее, если не научиться работать с культурно-цивилизационными различиями в поведении людей не как с отклонениями от чего-либо, а как с бесконечным рядом разных рациональностей, с самодостаточными формами существования и развития человека и общества.

Рассматривая характеристики "постсовременного" общества — страх, экзистенциальную неопределенность, роль солидарности и воображаемых сообществ, плюрализм власти и исключительную роль выбора — З.Бауман выводит их из чисто интеллектуального и отнюдь не бесспорного факта: "избавления от взгляда на человеческую историю как разумного процесса" [4]. Эти особенности как социальная реальность (а не только интеллектуальная схема исследователя) никак не связаны, не увязаны с предшествующими состояниями общества. Что же касается будущего, то его как бы и не существует, поскольку описываемому таким образом настоящему приписывается статус экзистенциальной подлинности. Представляется, что взгляд постмодернизма на развитие общества, при всем его внимании к сопоставлению прошлого и настоящего, является, в сущности, восприятием внеисторическим, ориентированным не вдоль стрелы времени, а как бы перпендикулярно к ней.

Подмена анализа механизмов развития нормативными оценками "уровня", на котором находится данное общество, завела в тупик и современную теорию модернизации. В первом своем варианте она вообще не учитывала внутренних, прежде всего культурных механизмов развития, интерпретируя сложившуюся, то есть действующую в данном обществе культуру как потенциальную историческую помеху модернизации. Более поздние версии, связанные с концепцией запаздывающей модернизации, уделяли проблеме развития ценностно-мотивационных структур гораздо больше внимания, подчеркивая непроницаемость и устойчивость ценностного ядра культуры, оптимальность смешанных, "традиционно-модернизированных" культур. Однако механизмы перехода, качественной трансформации культур практически не исследуются, что опять освобождает место для нормативных подходов, для "лицензирования" социокультурной реальности переходного общества с точки зрения некоей желаемой модели.

Для исследования переходного общества наиболее перспективны, на наш взгляд, наработанные современной социологией эмпирические подходы. Однако использование их для изучения нестабильных систем сталкивается с определенными трудностями. Так,

применение факторного анализа для описания ценностных структур в переходном обществе требует большой осторожности при интерпретации, Факторы — это элементы устоявшейся структуры в стабильной система, которая может менять режимы своего функционирования, но не развивается. Если же с помощью факторного анализа мы наблюдаем устойчивую структуру в переходный период [5], то возникает вопрос — с чем же мы имеем дело? Если это уже сложившаяся новая структура, то как она успела сформироваться к 1991 году (для ценностей это не срок). Возможно, это смесь инструментальных ценностей и новых, активно внедряемых идеологических клише. Может быть, здесь наблюдается некоторое промежуточное состояние динамического хаоса, первая структуризация — но тогда о чем говорит ее воспроизведение в 1992 году? Свидетельствует ли это о быстром формировании новой системы ценностей или, наоборот, о замедленном режиме динамического хаоса? Не исключено, однако, что сама техника измерения и анализа, построенная на двухступенчатом свертывании переменных, на использовании индексов, позволяет увидеть возникновение новых структур из динамического хаоса, поскольку он должен быть эмпирически представлен как хаос *первичных* элементов. В принципе любое теоретическое, а тем более идеологическое упорядочение этих элементов уменьшает возможность наблюдать процесс и механизмы развития системы ценностей.

Представляется, что сегодня наиболее перспективные подходы к исследованию переходного общества и формирующихся в нем жизненных стратегий связаны, во-первых, с применением теории сложных, развивающихся систем, и, во-вторых, с анализом, обобщением того огромного первичного эмпирического материала, который собран в рамках социологии катастроф, изучения социального стресса и экстремальных ситуаций, социальных проблем и кризисов,

Для исследования поведения человека ключевая характеристика переходного общества как развивающейся системы — это присущие ей "различные виды неопределенного поведения", которые объединяются общим термином "непредопределенность" и включают "механизм усиления флуктуации, динамический хаос и спонтанность" [6]. Для человека это означает, что принципиально усиливается *неопределенность* той социальной ситуации, в которой он живет и действует.

Рациональность поведения и жизненный ресурс

В связи с этой важной особенностью переходной социальной реальности резко возрастает зависимость поведения, установок, стратегий человека от его социального и индивидуального жизненного ресурса. Прежде всего от его наличного социально-экономического статуса и главное — в динамике, перспективе. Сама по себе такая зависимость усиливает рациональность, адекватность социального поведения человека. Однако она вносит в это поведение и неустранимый иррациональный момент, поскольку возможность принимать долговременные и продуманные (основанные на достаточных знаниях и информации) решения также убывает вместе со снижением социально-экономического статуса.

Как показали наши исследования, чем выше статус, тем рациональнее решения, в частности, экономические. Например, в конце 1993 года, когда половина москвичей уже куда-то определила свои ваучеры (продали, купили акции, отдали детям и т.д.), вторая половина выжидала, разумно предполагая, что акции чековых инвестиционных фондов могут сменить более ценные, надежные акции (скажем, топливно-энергетического комплекса). По данным телефонного опроса (интервьюер А. Криворучко), социально-демографический состав этой группы специфичен: здесь больше, чем в среднем, мужчин в возрасте до 40 лет, людей с высшим образованием, предпринимателей, клерков и руководителей, работников частных предприятий, торговли и сферы обслуживания. Сходные результаты были получены осенью 1993 года в ходе опроса акционеров одного из московских чековых инвестиционных фондов [7]. Те из них, у кого среднее образование, кто

считал, что их материальное положение хуже, чем у большинства населения России, и продолжает ухудшаться, кто работал на государственном предприятии или в бюджетной организации — чаще питали надежду, что дивиденды "в значительной степени улучшат материальное положение семьи", "помогут пережить самое тяжелое время", болезненно, со страхом реагировали на предположение о возможной временной невыплате дивидендов ("это недопустимо"), И, наоборот, акционеры с хорошим и улучшающимся материальным положением, с высшим образованием, высокой квалификацией, занятые на акционерных и частных предприятиях, чаще сознавали, что дивиденды от акций фонда "в незначительной степени" помогут им материально, что "главное не дивиденды, а рост стоимости акций фонда, чтобы можно было их выгодно продать".

Таким образом, чем выше социально-экономический статус, тем рациональнее экономическое поведение, а чем рациональнее поведение — тем больше вероятность сохранить и повысить статус, Это значит, что при малом социальном ресурсе формируется порочный круг вынужденно иррационального поведения, раскручивающего маховик дифференциации по "закону Матфея", Такая специфическая связь рациональности и статуса в незначительной степени объясняется уровнем компетентности или информированности, Механизм здесь другой, Чем меньше объективная нужда в дивидендах, тем больше психологическая возможность отнестись к ним трезво, рационально, Чем настоятельнее нужда в них — тем иррациональнее надежды, которые неизбежно будут обмануты, но без них трудно жить.

Большой диапазон рациональности-иррациональности, характерный для переходного общества, делает рациональность чрезвычайно важной характеристикой социального поведения. Однако элементом Жизненной стратегии является не "уровень", а *тип рациональности*, то есть способ не только решения, но и постановки некоторой жизненной задачи, целеполагание, притязания, приоритеты, социальные средства и т.д.

Нелинейность в развитии жизненных ориентации

Другая особенность переходной развивающейся системы, столь же важная при ее исследовании, как и неопределенность, — *нелинейность*. Она определяется как способность "иметь в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным возможным законам поведения этой системы"; как утверждает В.Н.Костюк, "всякий раз, когда рассматривается неравновесное поведение системы, ее адекватная модель должна быть нелинейной" [6, с. 17,19].

Наиболее простой, доступный в социологическом исследовании способ задать нелинейность — это выделить некоторые стадии в развитии, изменении системы жизненных ориентации. Усиление гибкости социального поведения, смена жизненных стратегий вслед за сменой "правил игры", по которым функционирует нестабильная социальная система, — один из наиболее эффективных "ответов" человека (иногда опережающих) на неопределенность.

Для выделения стадий необходимо определить основные факторы, состояние которых стимулирует переход от одной стадии к другой. На наш взгляд, на первом этапе анализа можно ограничиться тремя факторами.

Фактор I — недоверие к власти. Первый фактор — это обобщенное восприятие и оценка человеком происходящего в обществе. Не по конкретным экономическим, политическим или идеологическим критериям, а по критерию максимально обобщенному: какова природа происходящего. Что это — реформы, новый социальный порядок, кризис, неизбежный исторический сдвиг, неуправляемая стихия, сшибка двух элит или что-то еще. Для обычного, рядового, как принято говорить, человека важно понять, определить, каковы его место, значение, вес в происходящем, насколько он является "субъектом" этих процессов и в какой мере — всего лишь "объектом".

В эмпирическом исследовании ближе всего к такому интегральному восприятию социальных процессов стоит социологическое измерение "доверие к социальным

институтам", в первую очередь — к властным. Представляется ошибочным толкование этой переменной как чисто политической, в частности, утверждение, что стабильное недоверие к власти и "отделение народа от политической жизни — добровольное и вынужденное" означает всего лишь "освобождение народа от политической "принудилки", от вынужденных аплодисментов и столь же вынужденных утешительных анекдотов" [8]. Сведение отношения к власти к политике неверно даже для западной демократии, где, по наблюдениям социологов, самые экзистенциальные виды поведения оказываются привязанными к чисто политическим событиям. Например, замечено, что в США доля самоубийств в сентябре-октябре в годы президентских выборов, когда оживляются надежды на социальные улучшения и усиливается социальная интеграция, значительно меньше, чем в те же месяцы других лет [9, 10]. Серьезных наблюдений на эту тему в России пока нет.

Для солидаристских, неиндивидуалистических цивилизаций, к которым принадлежит и российская, отношение к власти есть вопрос не столько политики, сколько экзистенции. В нем переживается и решается проблема не голосования, а определения, идентификации социальной реальности или как *никому* не подвластной стихии, или как управляемого, разумного порядка, подчиняющегося рациональным (пусть не всегда понятным) и нравственным (пусть не всегда приемлемым) критериям.

Стабильное и тем более углубляющееся недоверие к власти говорит о том, что происходит сдвиг к первому определению, к восприятию социальных изменений как некоторого "естественного", "природного" процесса, сходного с изменением климата. Такой сдвиг очень важен. Именно отношение к историческому процессу как к полностью неуправляемому становится основным стимулом для формирования жизненных стратегий, отличающихся устойчивостью и непроницаемостью. Этим они отличаются от социального поведения на предыдущих стадиях, где преобладает поведение реактивное, как ответ на возникающие новые идеологические, политические, экономические и социальные ситуации.

Опросов о доверии к социальным институтам, в том числе к властным, много. Однако вряд ли возможно оперировать их результатами буквально, поскольку сама их тема идеологически и политически весьма "нагружена". Чтобы как-то сгладить влияние такой нагрузки, мы использовали индексы. В таблице 1 представлены небольшие динамические ряды этих индексов, которые позволяют определить характер динамики и структуру доверия (недоверия) к власти.

Если рассматривать все представленные здесь социальные институты, то бросается в глаза большой диапазон недоверия (0,5 — армия и 14,5 — местные Советы). Хотя этот разброс в значительной степени сформирован усилиями средств массовой информации, к нему следует относиться как к реальности. Тем более, что в некоторых случаях СМИ оказываются не всесильными (классический случай — армия). Таким образом, недоверие к институтам и к власти очень неоднородно.

Абсолютное недоверие к власти (индекс А) демонстрирует неустойчивость и рост. Оно стабилизировалось в июне 1993 года только по отношению к президенту и правительству (и на самом низком уровне по сравнению с другими институтами). Относительное недоверие (индекс 0) к июню 1993 года стабилизировалось (продолжало расти лишь недоверие к СМИ). Этот показатель более надежен, чем первый, поскольку фиксирует умеренные, менее эмоциональные установки.

Однако общая тенденция, на наш взгляд, однозначна: стабильное, устойчивое недоверие к власти. В эмпирической картине не наблюдается каких-либо отклонений, позволяющих говорить об альтернативных тенденциях, о потенциальных альтернативах развития в этой сфере.

Таблица 1

Динамика недоверия к социальным институтам (индексы недоверия)*

Социальные институты	вид индекс	1992 май	1992 декабрь	1993 март	1993 июнь	1993 ноябрь
Армия	А	0.3	0.4	-	0.5	0.5
	О	0.4	0.4	-	0.6	0.5
Церковь	А	-	-	-	0.5	0.7
	О	-	-	-	0.5	0.6
Президент	А	1.5	2.5	2.3	2.3	2.2
	О	1.2	1.2	1.1	1	1.1
Правительство	А	3.4	5.9	3.1	4.6	4.2
	О	1.7	1.8	1.4	1.4	1.5
Средства массовой информации	А	-	-	-	3.8	5.6
	О	-	-	-	1.4	2.3
Правоохранительные органы (милиция, суд, прокуратура)	А	8.5	5.7	-	8.4	9.6
	О	1.7	2	-	1.8	1.8
Местные органы исполнительной власти	А	12.4	7.4	9.9	8.6	9.8
	О	2.5	2.2	1.5	2.2	2.3
Местные Советы народных депутатов	А	9.9	5.6	9.2	10	14.5
	О	2.2	1.9	1.5	2	2.4

* Индексы недоверия рассчитаны по результатам мониторинговых опросов, осуществляемых Институтом социологии РАН и Центром СоциоЭкспресс по репрезентативной всероссийской выборке. Руководитель В.Мансуров, научный консультант В.Ядов.

Индекс А (абсолютное недоверие) = (% ответивших "совсем не доверяю") / (% ответивших "полностью доверяю").

Индекс О (относительное недоверие) = (% ответивших "не очень доверяю") / (% ответивших "в основном доверяю")

Фактор II — изменения в системе ценностных ориентации. Второй фактор, определяющий смену стадий и их содержание — автономное (по своей логике) развитие внутреннего мира человека, его сознания, установок, ценностных ориентации, надежд, терпения, ожиданий и т.д. Среди этих элементов наиболее важны для понимания поведения в нестабильных системах ценностные ориентации. Они достаточно устойчивы, значительно меньше поддаются внешним воздействиям, чем мнения или ожидания. В этом смысле ценностные ориентации могут рассматриваться как "первичные" элементы, из которых и состоит тот динамический хаос, откуда появляются альтернативы развития. В социологии ценностные ориентации рассматриваются как основная социальная характеристика человека, его социальная система координат. В то же время они образуют тот каркас личности, который, хотя и формируется обществом, но обретает независимость и становится механизмом саморегуляции поведения, внутренней свободы человека.

Ценностные представления, которые мы использовали для исследования, — представления о социальной справедливости. Выбор был обусловлен тем, что, как нам кажется, это фундаментальная ценность российской культуры. Кроме того, мы располагаем результатами трех повторных исследований, проведенных нами совместно с группой В.З.Роговина (Институт социологии РАН): в телефонных опросах москвичей были получены измерения этой переменной в 1990, 1991 и 1993 годах. Итоги некоторых наблюдений представлены в таблице 2.

Если иметь в виду сквозные тенденции, то можно отметить следующие:

- трудовая интерпретация справедливости остается ведущим элементом системы;
- неопределенный, резервный элемент системы ("затрудняюсь ответить") и

трудовая интерпретация постоянно находятся в противофазе, увеличение определенности сопровождается усилением ориентации на труд; следовательно, труд как ценность остается самым активным элементом в этой ценностной подсистеме;

- социальная защита остается "ситуационной" ценностной ориентацией, следующей за изменением социально-экономических условий;

- моральные интерпретации социальной справедливости устойчиво ослабевают, перемещаются в "хвост" ценностных приоритетов, который обычно сохраняется, но не является резервом для последующих трансформаций ценностной системы [11];

- либеральные ценности меняются неравномерно; свобода личности и демократия стабилизировались в "хвосте", в то время как равенство возможностей, хотя и неустойчиво, но держится в резерве;

- у интерпретаций "реальное равенство" и "закон" наблюдаются слабые флуктуации, что можно истолковать как признак их потенциальной альтернативности.

Однако для нас в данном случае важны не общие тенденции, а различия в структуре ценностных представлений, характерных для разных временных точек. Эти различия не всегда отчетливы, поскольку забиваются сильными сквозными процессами и флуктуациями, неустойчивостью. Но они есть и позволяют, на наш взгляд, говорить о качественных сдвигах, формировании стадий развития.

1988 год. Системообразующую роль, видимо, играет (как и в 1991 году) неопределенный элемент. Вес ядра системы (две самые сильные ценности) 25,4%, разрыв внутри него — около 5%, отрыв от резерва (три следующие по силе ценности) такой же, резерв составляет 10,1%. Система неустойчивая, слабая и жесткая.

1990 год. Резкое снижение неопределенности. Вес ядра — 30,6%, разрыв внутри — 15,2, отрыв от резерва — 0,5, вес резерва — 18,1. Система добавила себе устойчивости за счет увеличения веса ядра, увеличения резерва и сокращения дистанции между ними. Но само ядро стало менее устойчивым из-за большого внутреннего разрыва. В целом система стала более структурированной, сложной.

1991 год. Резкое усиление неопределенного элемента. Вес ядра — 24,1%, разрыв внутри — 7,7, отрыв от резерва — 0,7, вес резерва — 19,6. Усиление неустойчивости за счет усиления неопределенного элемента и ослабления ядра. В то же время — накопление потенциала в результате сокращения дистанции от резерва, а также продолжающегося увеличения веса самого резерва.

Таблица 2

Структура и динамика ценностной подсистемы "социальная справедливость"
(%)

Что такое, по вашему мнению, социальная справедливость, в чем она заключается? (открытый вопрос)	1988 N=640	1990 N=545	1991 N=535	1993 N=511*
Затрудняюсь ответить	45.3	29.7	42.8	19.2
Получать по труду	16.1	22.9	15.9	26.7
Социальная защищенность	2.8	2.2	3.4	21.2
Сомнение в социальной справедливости как ценности ("справедливости нет", "справедливость не нужна", "справедливость понятие растяжимое" и тд.)	6.1	5.3	3.9	19.9
Моральные критерии ("по совести", "без обмана" и тд.)	9.3	4.8	5.4	0.8
Принцип распределения социальных благ	2.5	6.1	8.2	0.3
Реальное равенство, отсутствие расслоения	4.5	7.7	2.4	4.4

Закон, законность	2.8	3.7	7.5	3.6
Равенство прав и возможностей	4.1	7.2	6.7	2.7
Отсутствие привилегий	0.9	3.1	2.1	0.8
Свобода личности, демократия	1.7	0.7	0.3	0.3
Другое	3.9	6.6	1.4	1

* Проценты считались к числу ответов (589), поскольку допускались две кодовые позиции.

1993 год. Самая низкая за наблюдаемый период неопределенность в системе. Резкое усиление "отрицающего" элемента, сомнения в социальной справедливости как ценности. Вес ядра — 47,9%, разрыв внутри — 5,5, отрыв от резерва — 16,8, вес резерва — 10,7. Самый представительный "хвост" (ценностные представления с весом менее 1 %) — 4 элемента (в предыдущие годы — по одному). Система наиболее определенная, жестко структурированная, с сильным и устойчивым ядром. Однако устойчивость не очень надежна, поскольку явно связана с усилением отрицающего элемента и сопровождается ослаблением ценностного резерва.

Таким образом, первые два фактора, о которых выше шла речь, представляются нам сравнимыми по силе. Поэтому их взаимодействие создает напряжение в человеке, небывалое в условиях стабильной социальной системы.

Фактор III — восприимчивость к внешнему влиянию. Третий фактор, характеризующий качественные сдвиги в жизненных стратегиях, — характер реакций человека на целенаправленные или стихийные внешние воздействия, восприимчивость к таким воздействиям. В более широком теоретическом контексте это проблема взаимоотношения внешней и внутренней детерминации поступков в условиях социальной нестабильности.

Важный аспект этой проблемы — влияние СМИ на индивидуальное сознание и поведение. Эмпирическое исследование такого влияния нами только начато. Некоторые наблюдения о восприимчивости различных групп к воздействию СМИ сделаны на основе анализа данных уже упомянутого мониторинга Института социологии РАН. Различия достаточно значимы и — что очень важно — заключаются не только в предпочтении тех или иных источников информации (газет, программ TV и радио), но и в уровне доверия к ним в целом. Например, в разных возрастных группах индекс абсолютного недоверия (А) к СМИ колебался в 1993 году от 2,83 до 8,83, а относительного недоверия (О) — от 1,16 до 1,61. С точки зрения нашей темы важно, однако, что различия в податливости человека к внешнему воздействию связаны не только с социально-демографическим и социально-экономическим статусом, но и с тем, на какой стадии развития своих жизненных стратегий находится человек и переходное общество.

Стадии и стратегии

Предлагаемое описание стадий в развитии жизненных стратегий, ориентации человека переходного общества основано на анализе результатов восьми эмпирических социологических исследований, проведенных начиная с 1988 года и нашедших отражение в ряде публикаций [12, 13, 14]. Ставилась задача определить основные параметры этих стадий и, следовательно, процесса развития, оценить их состояние, а также обозначить наименее изученные их элементы. По нашим предположениям, общество прошло две стадии и находится сейчас в третьей (следует отметить, что переход от одной стадии к другой не означает массовой смены ориентации и способа поведения; всегда существуют индивиды и группы, сохраняющие на новой стадии образцы поведения предыдущей).

Стадия I — надежда и разрушение. Это начальная стадия, наиболее яркая в своих поведенческих и психологических проявлениях, но самая малоизученная. Причина — отсутствие необходимой временной дистанции, динамичность и интенсивность процессов. Доверие к социальным институтам здесь очень дифференцировано: оно еще достаточно высоко по отношению к новым институтам (в том числе к властным и к "своим" СМИ), по отношению же к старым — очень низкое. Ценностная система

начинает резко меняться, но в маятниковом режиме, что обычно свидетельствует о поверхностности изменений. Ближе всего к этой системе те представления о социальной справедливости, которые были зафиксированы в 1988 и в определенной мере в 1990 годах (см.табл. 2).

Поскольку на этой стадии основное направление социальных процессов — разрушение старых социокультурных структур, то снижается социальная защищенность, слабеют социальная интеграция и нормативный порядок. Реакции человека на эту ситуацию разнородны и нестратегичны (за исключением, быть может, отдельных видов экономического поведения). С одной стороны — "социальный самострой", создание временного социального микромира, рост потребности в авторитарных лидерах и в этнической солидарности. С другой — усиление вертикальной мобильности, индивидуалистических ориентации, стремительное размежевание по взглядам и интересам.

Наиболее сложный вопрос, возникающий при изучении этого периода — какого типа рациональность скрывается за характерным для него нестратегичным, ситуационным и легко управляемым (манипулируемым) поведением людей. В чем заключается рациональность разрушения? Если тут правомерна аналогия с экстремальной ситуацией, то некоторые характеристики рационального для нее поведения — подчинение управлению и силе, учет психологии толпы (главное — не упасть, если упал — встать, не идти против движения толпы и т.д.), не поддаваться панике, а главное — апатии и оцепенению и т.д. [15] — свойственны и рассматриваемой стадии, хотя, конечно, не буквально. Задача состоит в том, чтобы обнаружить реальные аналоги для других, более масштабных и социальных по природе экстремальных ситуаций.

Стадия II — кризис и социальный стресс. Самая короткая и трудная для человека стадия, требующая от него интенсивных усилий. Начинает падать доверие к социальным институтам, прежде всего к властным. Появляются жесткие социальные реакции на неоправдавшиеся надежды первой стадии — поляризация не только политических, но и нравственных позиций, неконтролируемая агрессия вплоть до вандализма, "безадресной мести". Система ценностных ориентации становится более "ясной", определенной, структурированной, иногда — жесткой. В то же время начинает расти потенциал ценностной системы, увеличивается ее резерв (наблюдения 1990 и 1991 годов, табл. 2). Реакция ценностной системы на кризисную, конфликтную ситуацию может заключаться, по наблюдениям Н.И.Лапина, в том, что "происходит расширение интегрирующе-терминального ядра ценностей" [16].

Однако, как это ни парадоксально, наиболее характерной чертой социального поведения в этих условиях является его рациональность. Свидетельства этого: сбалансированная массовая реакция на события августа 1991 года, быстрый рост прагматического отношения к политическим событиям, стремление человека регулировать поток обрушивающейся на него информации, потребность в долгосрочном планировании жизни и т.д. [17].

Рациональность начинает свое шествие с того, что очень быстро разрушает неизбежно возникающие в стрессовой ситуации оцепенение, апатию. Как подчеркивают специалисты, в поведении людей, оказавшихся в ситуации социального стресса, катастрофы, кризиса, абсолютно преобладают естественные, здоровые, социально-приемлемые, рациональные реакции. Поэтому использовать в анализе таких ситуаций категории патологических состояний и отклонений излишне, а иногда и вредно, можно соскользнуть в неадекватную плоскость рассуждений [18]. Отмечается также, что многие социальные реакции, общности и структуры, возникающие как ответ на ситуацию катастрофы, имеют гораздо больше общего с "нормальными", некатастрофическими реакциями и структурами, чем отличий [19]. Э.Карантелли утверждает, что в условиях катастроф и стихийных бедствий преобладают проявления рационального поведения: собранность, сохранение самоконтроля, стремление к солидарности и взаимопомощи,

критическое отношение к сообщениям СМИ и т.д. [20].

Стадия III — адаптация и стратегическое поведение. Нынешняя стадия. Загадочная для многих аналитиков, склонных к простым объяснениям социального поведения ("просто занялись собственными делами", "доминирование интересов повседневности", "происходит некоторое привыкание", "россияне приспосабливаются").

Механизм, "запустивший" эту стадию — устойчивое, стабильно сильное недоверие к властным институтам (см.табл. 1, июнь и ноябрь 1993 года). Специалисты, исследующие поведение человека в стрессовой, экстремальной ситуации, неоднократно отмечали, что решающее влияние на это поведение оказывает оценка человеком степени контролируемости событий [21].

Во второй половине 1993 года устоялось восприятие исторического сдвига, происходящего в нашей стране, как "природного" процесса, неуправляемого и необратимого. Ответом на это стали более дифференцированные (на социальном и индивидуальном уровне) реакции на происходящее, а также начало формирования у людей стратегических ориентации.

Напомним, что необходимы определенные предпосылки для таких изменений в поведении: усиление его внутренней детерминации, обеспечение независимости, автономности сознания, а также стабильная и хорошо организованная система ценностных ориентации. Первая предпосылка нуждается в специальном изучении. Вторая, видимо, формируется хотя бы по отношению к СМИ (недоверие к которым, как отмечалось, продолжает расти). Сложнее с системой ценностей. По наблюдениям 1993 года, структура ценностных ориентации действительно становится более определенной, даже жесткой, формирует сильное и устойчивое ядро. Однако усиление "отрицающего" элемента и ослабление ценностного резерва может свести на нет необходимые изменения в ценностной системе.

Так или иначе, интенсивное формирование различных жизненных стратегий происходит. На наш взгляд, принципиально различными по своей личностной и социальной функции являются три типа таких стратегий.

Для первого характерна эффективная, успешная внешняя адаптация, основанная на новой, жестко организованной системе ценностных ориентации. Наблюдается повышенная восприимчивость к определенным внешним воздействиям (экономическим, информационным, статусным). Социальная идентификация направлена на первичные (семья) и профессиональные общности. Активное социальное сравнение и нетерпение действуют как сильный стимул. Ориентация во времени — на настоящее и ближайшее будущее.

Механизм второго типа жизненной стратегии — эффективная внутренняя адаптация, основанная на устойчивости фундаментальных ценностных ориентации и на относительной невосприимчивости к внешним воздействиям. Идентификация ориентирована на большие общности, как реальные, так и номинальные (страна, народ, единомышленники). Направленность во времени — на прошлое и на отдаленное будущее.

Третий тип жизненной стратегии — стратегия выживания. Она характерна для социально-демографических групп с небольшим жизненным и социальным ресурсом, с невысоким статусом и ухудшающимся материальным положением. Здесь преобладают мягкие ценностные системы и идентификация с группами сходной социальной судьбы. Социальное сравнение ослаблено. Восприимчивость к идеологическому, да и вообще к регулирующему воздействию высока, но результаты этого воздействия, как правило, не глубоки и не устойчивы.

Общая, весьма важная в исторической перспективе черта этих трех стратегий — они мало управляемы.

Это не значит, что общество, государство, идеологические (общественные и профессиональные) структуры и движения не могут оказать влияния на формирование жизненных стратегий. Но в нестабильной социокультурной системе такое влияние

принципиально ограничено, а не усилено, как принято считать. Увеличивается масштаб воздействия на общественное мнение, на ситуационные оценки и политически-идеологические установки. Однако чем глубже оно пытается проникнуть в структуры жизненного мира человека, тем чаще встречает закрытые двери, размывается, слабеет и исчезает.

Такой естественный процесс защиты человеком своего внутреннего мира, своей личности особенно важен и интенсивен в переходной системе. Противостоять этому процессу с идеологическим ломом наперевес и заблокировать его вряд ли удастся. А если и получится, то приведет лишь к массовому распространению третьего типа жизненной стратегии, который относительно более управляем, но неустойчив, ненадежен, непредсказуем.

Тот ли это тип человеческого поведения, который необходим для сохранения и развития России и всех нас?

Вряд ли стоит делать ставку на скороспелого конформиста, запуганного потоком целенаправленной информации и надвигающейся безработицей, готового сегодня идти туда, куда ведут. Опасной неожиданностью может оказаться тот выбор, который он сделает, перестав бояться идеологического наката и бедности, но не получив возможности и не сумев обрести нравственную независимость и ответственность. Поэтому недопустимо, когда социолог исследует, оценивает и рекомендует, руководствуясь обновленным неувядаемым принципом "после нас — хоть горячая точка, хоть гражданская война, хоть Армагеддон". Сегодня от социолога ждут не идеологических приговоров, а непредвзятого анализа и уважительного диалога с человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Personality and social systems /Ed. by NJ. Smelser, W.T. New York: Wiley, 1963. P.12.
2. Девятко И.Ф. Бауман З. На что указывает постсовременность // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 189-191.
3. Тойнби А. Человечество в осадном положении // Литературная газета. 1974.24 июля.
4. Bauman Z. Intimations of postmodernity. London: Routledge, 1992.
5. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С.6.
6. Костюк В.Л. Неравновесие, целостность, эволюция (системный подход) // Устойчивость и неустойчивость целостных структур как предмет системного исследования. Вып.1. М: ИСА РАН, 1994. С.25.
7. Наумова Н.Ф., Попов К.Л., Богомолова Е.А. Сдвиги в мотивации и поведении акционеров чекового инвестиционного фонда: наблюдения социологов // Проблемы прогнозирования. 1995. № 2.
8. Левада Ю. Общественное мнение в год кризисного перелома: смена парадигмы // Сегодня. 1994. 17 мая.
9. Boor M. Effect of United States presidential elections on suicide and other causes of death // American sociological review. 1981. Vol.46. № 5.
10. Wasserman I.M. Political business cycles, presidential elections, and suicide and mortality patterns // American sociological review. 1983. Vol.48. № 5.
11. Наумова Н.Ф. Организация ценностей: предпочтения и резерв // Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. С.129-136.
12. Наумова Н.Ф. Переходный период: переориентация в ценностном мире // Будь лицом: ценности гражданского общества. Т.2. Томск; Изд-во Томского ун-та, 1993. С.29-49.
13. Долгосрочная динамика общественных ценностей (коллектив авторов) // Проблемы прогнозирования, 1994. № 5. С29-50.

14. Наумова Н.Ф. Бремя перемен // Человек, 1990. N& 5. С29-38.
15. Гостюшин А. Энциклопедия экстремальных ситуаций, М.: Зеркало, 1994.
16. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социол.исследования. 1994. № 5. С.7.
17. Наумова Н.Ф. Человек и кризисное время: преодоление // Свободная мысль, 1991.№17.С8-20.
18. Mental Health response to mass emergencies; theory and practice / Ed. by M.Lystad. New York: Brunner Mazel Publishers, 1988. P.175.
19. Sociology of disasters: Contribution of sociology to disaster research / Ed. by R.Dynes, B. De Marchi and C.Pelanda. Milan: Franco Angeli, 1987.
20. Quarantelli E.L The NORC research on the Arkansas tornado: a Fountainhead study. Preliminary paper. 1989. № 136.
21. Barkun M. Disaster in history // Mass emergencies and disasters. 1977. Vol.2. № 4. P.223.